

1. Портрет И. Г. Циммермана. Гравюра
К. Г. Гейсера с портрета И. Г. Шрёдера.
Начало XIX в. Изображение с сайта
Wikimedia Commons. [https://commons.
wikimedia.org/](https://commons.wikimedia.org/)

Portrait of J. G. Zimmermann. Engraving
by C. G. Geyser from the portrait
of I. H. Schröder. Early 19th century.
Wikimedia Commons

Disputatio

Переписка Екатерины II и врача-философа И. Г. Циммермана: новые архивные материалы*

Ирина Лагутина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Correspondence between Catherine II and the Physician- philosopher J. G. von Zimmermann: New Archival Materials**

Irina Lagutina

HSE University,
Moscow, Russia

The author of this paper presents a reconstruction of the strategy of correspondence between Catherine II and the Swiss-German philosopher J. G. von Zimmermann, which spanned from 1785 to 1792. The article examines the reasons behind the shift in the nature of the empress's letters which has never been done previously. These letters, which had previously been friendly messages between partners engaged in intellectual communication, began to take on the form of imperial rescripts. Zimmermann's study also delved into the mechanisms behind the European reputation of Catherine II. These included her portrayal as a "philosopher on the throne" and her epithet "Cybele, mistress of the world." This latter allegory is seen in Zimmermann's final letter and had a significant impact on the political events of the era. By engaging in epistolary dialogue with European intellectuals who influenced public opinion, Catherine was able to develop a successful model of foreign political communication. This model allowed her to adopt and rethink the general cultural and civilizational achievements of Europe while simultaneously strengthening

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

** Citation: Lagutina, I. (2024). Correspondence between Catherine II and the Physician-philosopher J. G. von Zimmermann: New Archival Materials. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 4. P. 1411–1428. DOI 10.15826/qr.2024.4.943.

Цитирование: Lagutina I. Correspondence between Catherine II and the Physician-philosopher J. G. von Zimmermann: New Archival Materials // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 4. P. 1411–1428. DOI 10.15826/qr.2024.4.943 / Лагутина И. Переписка Екатерины II и врача-философа И. Г. Циммермана: новые архивные материалы // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 4. С. 1411–1428. DOI 10.15826/qr.2024.4.943.

the political significance of the Russian Empire. Initially, Zimmermann, the author of popular philosophical treatises, was perceived by Catherine as one of her esteemed European correspondents and educators. They engaged in discussions pertaining to matters of concern to her regarding the organization of the Russian Empire, shared literary works and gifts, extended invitations to him to visit St Petersburg, and even accompanied him on a journey to Russia. However, during 1789, a clear shift occurred, associated with both the French Revolution and a reassessment of Zimmermann's character. The French Revolution prompted a change in Catherine's attitude towards the values of the Enlightenment, while Zimmermann's involvement in political scandals with the Berlin circle of enlighteners led to a reevaluation of his character. From this point forward, Catherine's correspondence exhibited a pronounced political tenor, reflecting her view of him as a confidant of King Frederick William II and a conduit for influencing Prussian foreign policy. If the entirety of Catherine's letters were to be published from the original sources, which are housed within the Zimmermann archive of the Hanoverian Library of Gottfried Wilhelm Leibniz, then it would be evident that Zimmermann's letters were only partially published. This article introduces previously unpublished letters of Zimmermann, which are currently kept in the RGADA (Fund 5, Correspondence of High-ranking Individuals with Private Individuals), into scholarly discourse. Additionally, it engages with the network of his German correspondents, particularly the correspondence with the philosopher and publisher Friedrich Nicolai, which is in the Department of Manuscripts of the Berlin State Library (Fund 84, Heritage of Friedrich Nicolai).

Keywords: Catherine II, Johann Georg Zimmermann, correspondence, Germany, Enlightenment

В статье реконструируется стратегия переписки Екатерины II и швейцарского врача-философа И. Г. Циммермана, которая продолжалась с 1785 по 1792 г.; впервые анализируются причины изменения характера писем императрицы, превращающихся из дружеских посланий, где корреспонденты выступают партнерами по интеллектуальному общению, в императорские рескрипты; исследуются механизмы создания европейской репутации Екатерины II от «философа на троне» к «владычице мира Кибеле» (аллегория появляется в последнем письме Циммермана), влияющей на политические события эпохи. Используя ресурс эпистолярного диалога с европейскими интеллектуалами, влияющими на общественное мнение, Екатерина выстраивает максимально удачную модель внешнеполитической коммуникации, позволяющей, с одной стороны, перенимать и переосмысливать общекультурные и цивилизационные достижения Европы, с другой, укреплять политическую значимость Российской империи. Первоначально Циммерман, автор популярных философских трактатов, воспринимался Екатериной как один из ее знаменитых европейских корреспондентов-просветителей, с которым она обсуждает волнующие ее вопросы по обустройству

Российской империи, обменивается книгами и подарками, приглашает приехать в Петербург и даже сопровождать ее в путешествии по России. Однако в течение 1789 г. происходит отчетливый поворот, связанный как с Французской революцией, изменившей отношение Екатерины к ценностям Просвещения, так и с переоценкой личности самого Циммермана, замешанного в ряде политических скандалов с берлинским кругом просветителей. С этого времени письма Екатерины приобретают отчетливо дипломатический характер, поскольку она его считает человеком, близким к королю Фридриху Вильгельму II, пытаясь через него влиять на прусскую внешнюю политику. Сохранившиеся письма Екатерины опубликованы в полном объеме по оригиналам, которые являются частью архива Циммермана в ганноверской библиотеке Готфрида Вильгельма Лейбница – Государственной библиотеке Нижней Саксонии, в то время как письма Циммермана – лишь частично. Впервые вводятся в научный оборот неопубликованные письма Циммермана из фонда РГАДА (ф. 5 «Переписка высочайших особ с частными лицами»), а также привлекается круг его немецких корреспондентов, в частности, переписка с философом и издателем Фридрихом Николаи, находящаяся в Отделе рукописей Берлинской государственной библиотеки (ф. 84 «Наследие Фридриха Николаи»).

Ключевые слова: Екатерина II, Иоганн Георг Циммерман, переписка, Германия, эпоха Просвещения

Ce m'est un vrai plaisir de voir ce que votre esprit étendu,
juste et chaud vous dicte¹.

Екатерина II. Письмо И. Г. Циммерману
от 10 (21) января 1786 г.

В середине 1780-х гг. Иоганн Георг Циммерман, лейб-медик английского короля Георга III, модный врач на немецком курорте Пирмонт и известный европейский писатель, находился в зените славы. Он прославился несколькими философскими трактатами, среди которых особенную популярность получила книга «Von der Einsamkeit» («Об уединении»), послужившая поводом к его эпистолярному диалогу с Екатериной II, который продолжался с 28 января 1785 г. по 31 января 1792 г. [см. об этом: Zimmermann, 1756; Zimmermann, 1773; Zimmermann, 1784–1785]. Их переписка велась на французском, впервые была напечатана в Германии в 1803 г. после смерти Екатерины в качестве приложения к книге Х. М. Маркарда «Отношения Циммермана с императрицей Екатериной и господином Вейкардом»

¹ «Мне доставляет истинное удовольствие слышать те суждения, которые внушает вам ваш обширный, пылкий и правильный ум» (здесь и далее перевод наш. – И. Л.).

(Бремен, 1803) [Marcard, 1803]; отдельно в 1808 г. вышло французское издание [Marcard, 1808].

Генрих Маттиас Маркард (1747–1817), лейб-медик герцога Петра I Ольденбургского, был близким другом Циммермана. В упоминаемой выше книге Маркард подчеркивал, что публикуемая корреспонденция является ответом на «клевету» Мельхиора Адама Вейкарда (1742–1803), придворного врача Екатерины II, опубликовавшего годом ранее «Мемуары из жизни императорского русского государственного советника М. А. В., предназначенные для прочтения после его смерти» (Франкфурт и Лейпциг, 1802) [Weikard]². По мнению Маркарда, Вейкард в своей книге искажил образ Циммермана и историю его взаимоотношений с русским императорским двором.

Обе эти книги были обстоятельно разобраны историком А. Г. Брикнером еще в 1887 г., им же были подробно проанализированы российский контекст знакомства Циммермана с Екатериной и роль Вейкарда в этом знакомстве, обозначены тематические узлы писем императрицы, поэтому мы не будем подробно на них останавливаться, отсылая читателей к этой статье [Брикнер, 1887, с. 271–285]. Отметим лишь, что столь незначительный исторический инцидент ссоры двух лейб-медиков стал поводом для публикации писем Екатерины, актуальность которых и сегодня не вызывает сомнений, причем не только для интеллектуальной истории и исторической науки, но и для современных подходов к выстраиванию непростого диалога России и Европы.

В том же 1803 г. в Петербурге был издан русский перевод немецкого издания, включавший в себя 21 письмо императрицы и девять – Циммермана [Философическая и политическая переписка]. Журнал «Вестник Европы» сразу же перепечатал письмо Екатерины к Циммерману от 29 января 1789 г. [Письма Екатерины]. Затем в 1887 г. в журнале «Русская старина» были опубликованы все сохранившиеся 35 писем императрицы. Их издатель М. Семевский пишет, что копии писем Екатерины он получил непосредственно от Эдуарда Бодемана, директора ганноверской Королевской общественной библиотеки, где хранятся их оригиналы, и дополнил свое издание теми письмами, «которые или вовсе не вошли в издание 1803 г., или [были] напечатаны не вполне или с пропусками» [Письма императрицы, с. 280]. И хотя сама эта страница русско-немецких связей справедливо считается малоизученной и историография вопроса крайне мала [Земскова; Röhling, p. 358–392]³, письма Екатерины, в отличие от писем Циммермана, неоднократно переиздавались в ее собрании сочинений.

² Перевод фрагментов на русский язык см.: [Из записок доктора Вейкарта].

³ В аспекте культурного конфликта немецких и русских врачей в связи с этой перепиской см.: [Dinges]. Русский перевод см.: [Дингес]. Краткие сведения о приглашении врачей в Россию см.: [Шарф, с. 165–166].

Письмам Циммермана повезло значительно меньше, русская публикация ограничилась девятью письмами, касающимися его ссоры с Вейкардом, причем они были напечатаны с сокращениями и содержали значительные лакуны. Лишь отрывочно опубликованы и его письма к другим корреспондентам, которыми являлись многие выдающиеся интеллектуалы эпохи (Иоганн Готфрид Гердер, Иоганн Якоб Бодмер, Соломон Гесснер, Иоганн Георг Зульцер, Мозес Мендельсон, Фридрих Николаи, Иоганн Якоб Брайтингер, Шарлотта фон Шиллер, Фридрих фон Штейн и др.) – этот врач-философ написал несколько тысяч писем, и многие из них сегодня находятся в разных европейских архивах. В 1906 г. в Германии Бодеманом была в последний раз опубликована «Переписка между императрицей Екатериной II и Иоганном Георгом Циммерманом» [Der Briefwechsel] в издании, которое сегодня считается наиболее полным и куда вошли все те же письма Екатерины, дополненные еще несколькими письмами Циммермана, сохранившимся в архивных фондах Германии, – в Государственной библиотеке Нижней Саксонии [GWLB. Ms XLII. 1933. A. I. 5b]. В РГАДА в обширном корпусе переписки Екатерины и Циммермана, который составляет 252 листа, нами были найдены черновики писем Екатерины и целый ряд неизвестных писем Циммермана (от 3 декабря 1785 г., 27 декабря 1785 г., 28 января 1791 г., 10 января 1791 г. и др.) [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 1–252].

При сравнении писем Циммермана в издании Бодемана и в РГАДА оказалось, что даже опубликованные письма имеют ряд расхождений с архивными оригиналами, поскольку немецкое издание готовилось по черновикам и копиям. В РГАДА также находятся приложения к письмам Циммермана, которые у Бодемана имеют пометку «*liegen nicht mehr bei*» («приложения отсутствуют») [Der Briefwechsel, S. 52, 53, 58, 152 и др.]. Так, в одном из последних писем (от 29 октября 1791 г.) находятся приложенные к нему «секретные документы», касающиеся событий Французской революции, не только позволяющие уточнить позицию консервативных кругов Германии, к которым в это время уже примыкал Циммерман, но и свидетельствующие о достаточно близком знакомстве Екатерины с обстоятельствами и действиями как революционных властей, так и приверженцев восстановления монархии, отзеркаливаясь в ее письмах этого времени и в написанной ею же записке «О мерах восстановления во Франции королевского правительства» [Записка императрицы Екатерины II]. Циммерман пишет:

Je ne doute point, que Votre Majesté n'ait entendu parler souvent embrasser sous le faux nom de la liberté son infernale doctrine à tout l'univers. Mais comme on nie en Allemagne hardiment et publiquement l'existence de cette propagande Française, j'ay cru devoir mettre sous les yeux

de Votre Majesté les notices secrètes cy jointes, qu'un heureux hazard m'a procure et qu'une grande Puissance a communiquées à quelques uns de ses envoyés pour qu'ils puissent d'autant mieux observer les operations de ces tendres amis de l'humanité [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 236–236 об.]⁴.

К письму приложены следующие документы:

1. Декларация прокуроров областей Прованса от 9 августа 1791 г., в которой дается клятва верности провансальского народа (*la Nation Provençale*) королю Людовику XVI, графу Прованса, «нашему единственному и законному суверену» (*notre seul et légitime Souverain*) [Там же. Л. 246–248].

2. Декларация аббата Шарля Франсуа де Перротена де Бармона, депутата от духовенства города Парижа в Генеральных штатах созыва 1789 г. (от 12 сентября 1791 г.), и его письмо (от 18 сентября 1791 г.) с отказом принять амнистию от революционного правительства, что позволяет уточнить даты его нахождения под стражей. К этому времени он уже находился под арестом с июля 1790 г.,⁵ и представленные материалы свидетельствуют о его безусловной поддержке *Ancien Régime*. Уже находясь под арестом, он называет Конституцию «кодексом заговорщиков» (*n'est que le code des conjures*), заявляя в своей декларации, что депутаты законодательного собрания, которое должно поддерживать религию и монархию, обеспечивать «защиту собственности и свободу личности» (*sûreté des propriétés, à la liberté des individus*), на самом деле «эффективно работают, чтобы разрушить монархию и религию» (*ils ont travaillé efficacement à anéantir la monarchie et la religion*) [Там же. Л. 211–114].

3. Разъяснение некоего активного гражданина, *citoyen actif* (от 10 сентября 1791 г.), о процедуре финансовых отчетов Национального собрания, построенное как ответы на четыре вопроса:

1. L'Assemblée Nationale doit-elle rendre compte de sa gestion en Finances?

2. L'Assemblée Nationale est-elle responsable des comptes qu'elle rendra?

3. Dans le cas où l'Assemblée Nationale ne rendroit pas ses comptes, a-t-on le droit de les lui demander?

⁴ «Я не сомневаюсь, что Ваше Величество часто слышало разговоры об их адской доктрине (ранее речь идет об иллюминатах. – И. Л.), которая распространилась по всему миру под ложным именем свободы. Но поскольку в Германии мы смело публично боремся с этой французской пропагандой, я счел необходимым представить перед взором Вашего Величества прилагаемые секретные документы, которые мне предоставил счастливый случай и которые великая держава сообщила некоторым из своих посланников, чтобы они могли лучше наблюдать за действиями этих милых друзей человечества».

⁵ Стенограмма процесса, где аббат Бармон был допрошен Национальным собранием и ему было предъявлено обвинение в «государственном преступлении», была издана в том же году. См.: [Procès complet].

4. Le Roi, responsable de l'exécution de la Constitution, a-t-il droit de demander ces comptes? [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 215–216]⁶.

И если на первые три вопроса предполагался ответ «да», то четвертый ответ отрицал право короля издавать законы, требовать или приказывать (*décréter*), а позволял ему только их исполнять (*exécuter*), фиксируя ограничение королевской власти: «королю нечего вмешиваться в наши дела» (*le roi n'a point à se mêler de nos affaires*) [Там же. Л. 216].

4. Начало знаменитой «Декларации прав человека и гражданина», на первой странице которой написано: «заседание 20 августа 1789 г.» (*Séance du 20 Aout 1789*) и дан девиз: «Жить свободным или умереть!» (*Vivre libre ou mourir!*) [Там же. Л. 218].

5. Запрос народа-суверена (*le peuple souverain*) к маркизу Анн-Пьер де Монтескью-Фезанзаку, который отвечал за финансовые вопросы, о предоставлении отчета: *Recommandé à tous les citoyens, gardes-nationaux-nés. Seconde Sommation du 18 Septembre, a M. Montesquiou* [Там же. Л. 217].

Уже Брикнер объяснял неутихающий интерес к письмам Екатерины при явном невнимании к фигуре Циммермана тем, что в них затрагиваются важнейшие вопросы внешней политики, русско-турецкой войны, Французской революции, ожидающейся войны с Англией и Пруссией и др. Письма Екатерины историк сравнивал «с передовыми статьями в какой-нибудь официальной газете»: Екатерина, вероятно, считая Циммермана влиятельным персонажем европейской сцены, пыталась через него донести до общественного мнения свою позицию, воздействовать «на самые правительства в Англии и Пруссии» [Брикнер, 1873, с. 75–84].

Однако, как показывает анализ всего корпуса переписки (и опубликованных писем, и архивных документов), «передовыми статьями» письма Екатерины стали не сразу. В начале знакомства с Циммерманом она зачастую в свой французский текст включала немецкие фразы или слова, что она обычно делала, когда хотела подчеркнуть определенную интимность своего сообщения, его дружеский характер. Но стиль постепенно меняется – от легкого и непринужденного (с обращением «милостивый государь» и заверениями в «сочувствии», «дружбе» и «совершенном уважении») до официально-информативного, когда используется только французский язык и когда адресат именуется «господин Циммерман», а подпись суха и немногословна – «Екатерина».

⁶ «1. Должно ли Национальное собрание отчитываться о своем финансовом управлении?

2. Несет ли Национальное собрание ответственность за отчеты, которые оно предоставляет?

3. В случае, если Национальное собрание не предоставит свои отчеты, имеем ли мы право их требовать?

4. Король, ответственный за исполнение Конституции, имеет ли право требовать эти отчеты?»

Циммерман дает рекомендации по заселению Тавриды мастеровыми и земледельцами, пишет о «заведении табачных фабрик», разведении шелковичных червей и устройстве ботанических садов; обсуждает с императрицей разные литературные новинки, появившиеся в Европе; старательно ищет в Германии издателя для публикации антимасонских комедий Екатерины; по ее просьбе подбирает врачей для переселения в Россию:

Je crois que je réüssirois à trouver successivement, sur tout un assés bon nombre de Médecins et Chirurgiens, qui seroient plus instruits que bien des docteurs celebres dans Petersbourg. Il y en a tant en Allemagne, qui ont des talents, et qui sont pauvres et déplacés (03.12.1785, письмо не опубликовано) [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 21]⁷.

...Je pouvois procurer des Médecins et Chirurgiens, qui seroient placés avantageusement soit à l'armée, soit dans les principales villes de province de la Russie (15.02.1786) [Там же. Л. 50 об.]⁸.

Подробную характеристику кандидатов мы находим в неопубликованных письмах от 3 и 27 декабря 1785 г.; к письмам от 28 мая и 3 октября 1786 г. приложен список из 23 докторов (24-й пункт – вакансия), озаглавленный «Liste des Médecins et Chirurgiens» и содержащий список врачей, собранных по всей Германии и согласившихся приехать в Россию, с их подробными характеристиками и описанием предлагаемого им жалования [Там же. Л. 17–25, 32–36, 37–41 об.]⁹. В Ганноверском архиве сохранился перечень фамилий под заголовком «Folgende Arzte und Wundärzte habe ich in russisch kaiserlichen Dienste genommen und ihnen darüber Patente ausgefertigt» («Следующих врачей и хирургов я нанял для службы в Российской империи и подготовил для них патенты») [GWLb. Ms XLII. 1933. A. I. 5b. Bl. 294].

Для библиотеки Геттингенского университета Екатерина посылает Циммерману Коран, изданный в Петербурге на арабском языке (письма от 6 мая 1788 г. и от 11 октября 1789 г.), соболью шапку, несколько фунтов восточного чая и кофе «мокко» (письмо от 1 февраля 1788 г.). И, наконец, она неоднократно начиная с первого письма настойчиво приглашает его приехать в Петербург «на некоторое

⁷ «Я думаю, что мне удалось бы шаг за шагом найти среди большого числа врачей и хирургов таких, которые были бы образованнее многих знаменитых врачей в Петербурге. В Германии так много талантливых людей и тех, кто беден и готов к переезду».

⁸ «Я окажу важную услугу Российской империи, если смогу доставить лекарей и хирургов, кои были бы выгодно размещены или в армии, или по главным провинциальным городам России».

⁹ В настоящее время этот список приглашенных Циммерманом врачей готовится нами к публикации, в которой также используются архивные материалы Медицинской коллегии, раскрывающие дальнейшую профессиональную деятельность этих врачей в России и найденные в ходе подготовки магистерской диссертации Т. Белкиной, написанной в НИУ ВШЭ под нашим руководством.

время» и даже предлагает ему место лейб-медика и чин действительного тайного советника с ежегодным содержанием в 10 тыс. руб. [Johann Georg Zimmermann, S. 122]. Как следует из письма Екатерины Вейкарду от 1 мая 1786 г., которое тот приводит в своих мемуарах, императрица в течение нескольких лет не отказывалась от своих планов:

Wenn er komt, so soll er willkommen seyn. Ich bin jetzt in Czarskocelo. Wenn Zimmermann vor der Thüre wäre, so würde ich geschwindt die Thüre aufmachen und ihm bitten herein zu kommen, und ich glaube wir würden alle beyde zugleich reden, und hernach ein jeder seyn wort sagen... Ich kenne ihm viel gut und mehr wie er selber glaubt aus seinen Büchern... [Weikard, 1802, S. 359–360]¹⁰.

Однако Циммерман вежливо, но твердо, ссылаясь на возраст и болезни, отклоняет все ее приглашения: в письме к Вейкарду от 9 июня 1786 г. он совершенно недвусмысленно дает понять, что никогда и ни при каких условиях не поедет в Петербург [Marcard, 1803, S. 80–84]. Из его письма Маркарду от 25 марта 1786 г. становится ясна причина этого неоднократно высказанного столь решительного отказа – Циммерман боялся, что Екатерина не захочет его отпустить и ему придется вступить в русскую службу:

Nach Petersburg könnte ich gehn auch mit der Kayserin nach Taurien – aber das Ende vom Liede ist doch immer, dass ich in Petersburg bleibe, und da lebe und sterbe. Diese war die Hauptabsicht der Monarchin bey der ersten Einladung vor einem Jahre, und diese Absicht hat sie noch immer [Ibid., 1803, S. 80]¹¹.

Первоначально Екатерина отправляла свои письма со специальным курьером, затем курьерской почтой, посылаемой в Европу, а далее все чаще – обычной почтой. Так, 15 января 1788 г. Циммерман отмечает, что 11 января курьер Трипольский передал ему два письма ее величества от 28 ноября и 3 декабря [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 74]. 20 мая 1789 г. сама Екатерина замечает: «Это письмо будет отправлено с курьером» [Письма императрицы, с. 307]. В связи с этим любопытное свидетельство представляет собой неопубликованное письмо Циммермана берлинскому философу Фридриху Николаи от 19 марта 1788 г., сохранившееся в рукописном отделе Берлинской государственной библиотеки:

¹⁰ «Если он имеет намерение приехать, я его приглашаю. Я сейчас в Царском Селе, и если бы господин Циммерман стоял на пороге, я бы распахнула дверь, попросила его войти, мы сразу бы заговорили друг с другом, и, уверена, каждому было бы что сказать... Я знаю его намного больше и лучше, чем он думает, из его книг».

¹¹ «Я бы мог поехать в Петербург и даже сопровождать императрицу в Тавриду, но конец у песни всегда один – меня принудят остаться в Петербурге, там я буду жить и там же умру. Таково было главное намерение царицы, когда она впервые пригласила меня год назад, и это намерение у нее сохранилось до сих пор».

Am 8. März brachte mir ein Courier aus Petersburg wieder einen langen Brief von der Kaiserin von Russland: also schon den dritten Brief in diesem Jahr, denn am 11. Januar brachte mir ein Courier zwey Briefe von der Kaiserin miteinander. Aber NB dies sind nicht Couriere, die an mich geschickt sind, sondern Couriere die über Hanover nach London und Paris gehen [SBB. Hdschr. Nachl. Friedrich Nicolai. 84. Zimmermann. Br. 54]¹².

Во всяком случае, все письма Екатерины начиная с середины 1789 г. идут официальным каналом, по почте, безусловно, в расчете на строгую прусскую цензуру, беспощадно вскрывающую корреспонденцию, поступающую из-за границы. А. В. Храповицкий в «Памятных записках» впервые отмечает 17 августа 1789 г.: «писали об оном...Циммерману *по почте, чтобы нарочно читали* (здесь и далее курсив наш. – И. Л.)». Затем: «Запечатав, послал на почту» (26 сентября 1790 г.); «Читано мне письмо на французском языке, собственноручно к Циммерману писанное, которое *нарочно чрез Берлин по почте* отправится, чтоб там увидели, что все усилия врагов России произвели ее славу и победы... Хочу доказать пруссакам, что их не боимся...» (26 января 1791 г.). «Послано письмо к Циммерману в Ганновер *по почте чрез Берлин*, дабы чрез то дать знать, что турок спасти не могут» (6 февраля 1791 г.) [Храповицкий, с. 207, 237, 238].

Некоторые письма этого времени, напоминающие сводки с фронтов русско-турецкой войны для трансляции в Европу, полностью составлял Храповицкий, отмечая в своих записках: «17 августа 1789 г. переписал о сих победах письмо Циммерману», – императрица добавила от себя лишь несколько прощальных строк [Там же, с. 202]. 6 июня 1791 г.:

Переписал отпуск с письма к Циммерману, где говорится об Англии, что «всегда сию нацию любили и ласкались, что английский двор и меня любит до тех пор, как увидели разные происки английских министров при дворах чужестранных. Мы никогда войны не начинаем, но защищаться умеем, кончено стихом Расина: “Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte”»¹³. Письмо сие отправлено по почте чрез Берлин [Храповицкий, с. 243].

Как отмечает К. А. Осповат, Екатерина любила цитировать эти строки, «позволявшие обосновать земное самовластие ссылкой на Божий суд» [Осповат, с. 289].

¹² «8 марта курьер из Петербурга привез мне еще одно длинное письмо от российской императрицы: таким образом, в этом году это уже третье письмо, потому что 11-го января курьер доставил мне сразу два ее письма. Но, заметьте, это не курьеры, присланные специально ко мне, а курьеры, которые через Ганновер едут в Лондон и Париж».

¹³ Цитата из трагедии Ж. Расина «Гофолия» (акт 1, сцена 1). Рус.: «Я боюсь Бога, дорогой Абнер, и у меня нет другого страха».

Последнее письмо Екатерины (от 16 сентября 1791 г.) обращено скорее к прусскому королю Фридриху Вильгельму II, получившему трон после смерти «старого Фрица» – своего знаменитого дяди Фридриха II. Циммерман выступает здесь инструментом тонкой дипломатической игры, а не партнером по интеллектуальной коммуникации. Через Циммермана, а, возможно, с расчетом на вскрытие их переписки тайной прусской полицией Екатерина пытается воздействовать на тщеславие известного своими антиреволюционными настроениями прусского монарха и убедить его начать войну с революционной Францией:

Уничтожив анархию во Франции, можно стяжать бессмертную славу, и действительно я не сомневаюсь в том, что эта слава выпадет на долю короля прусского; если он пожелает совершить это дело, то он будет в состоянии довершить его и сделает это, оказав тем самым большую услугу человечеству, которое будет признательно ему, так как он упрочит этим покорность и благоденствие народов [Письма императрицы, с. 320].

И даже дает ему через Циммермана практические советы военного свойства:

...Двинув 12 или 15 000 человек, король, без сомнения, может восстановить во Франции монархическое правление, лишь только он того пожелает; он увлечет этим за собою императора и многие другие державы и заставит их делать то, что он пожелает [Там же].

Это намерение, которое Екатерина даже не скрывает от своего статс-секретаря, Храповицкий специально подчеркивает: «Письмо к Циммерману, нарочно по почте отправленное, чтоб прусский король вошел с войсками во Францию, “il peut s’il veut”. Я таким образом ранее подучила короля шведского» [Храповицкий, с. 250].

При анализе переписки отчетливо видно, что отношение Екатерины к Циммерману радикально изменилось в течение 1789 г., когда началась Французская революция, заставившая ее пересмотреть свой подход к ценностям Просвещения и когда, по видимости, произошла ее переоценка личности немецкого корреспондента. Это могло быть связано с его восторженной книгой о Фридрихе II, вызвавшей гневное негодование Екатерины, или с политическим скандалом с драматургом Августом Коцебу, в котором пришлось разбираться и прусскому, и русскому правительствам и где оказался замешан Циммерман. Если раньше он воспринимался как *un homme d’esprit, de capacité, et de connaissance non communes*¹⁴ (письмо к Маркарду от 25 февраля 1785 г.) [Marcard, 1803, S. 304], как один ее знаменитых европейских корреспондентов-просветителей, подобно Вольтеру, Дидро, Даламберу, барону Гримму, то теперь он отчетливо видится в противоположной перспективе –

¹⁴ «человек необычного ума, способностей и знаний».

человеком, близким к прусскому двору, носителем идей «вильгельмизма», или, как она пишет по-французски, «Guillaumisme».

Теперь у Екатерины появляется другая цель – она начинает использовать репутацию Циммермана для скрытого влияния – как ей хочется думать – на внешнюю политику прусского короля. Использовать до тех пор, пока он ей нужен в качестве объекта ее внешнеполитической информационно-властной власти. Как замечает Хорст Ролинг, Циммерман выполнял для нее «функцию мультипликатора» (Multiplikatorfunktion), распространителя и множителя в Европе ее идей [Röhling, S. 361].

Уже к 1791 г. репутация Циммермана в Германии была сильно подмочена публичной враждой с берлинскими просветителями, и их переписка сошла на нет. Ее окончание было инициировано Екатериной, которая в нескольких последних письмах рефреном повторяет: «Когда английский флот минует Зунд, то, мне думается, нам неудобно будет переписываться» (19 апреля 1791 г.), «Прощайте, относитесь ко мне по-прежнему дружественно, и когда английский флот минует Зунд, не пишите мне более» (19 мая 1791 г.) [Письма императрицы, с. 317–318]. Насколько эта причина была правдивой, а уверения в «дружеских» отношениях были искренними? Последнее письмо написано императрицей 16 сентября 1791 г., и именно им завершаются все издания ее писем к Циммерману. Однако переписка была более продолжительной, и точка в этой истории была поставлена Циммерманом, который еще несколько месяцев с упорством, но безуспешно писал Екатерине, взывая к ее благосклонности и пытаясь, как прежде, на равных вести интеллектуальный и политический диалог, как, например, в письме от 29 октября 1791 г. В нем речь идет о консолидации контрреволюционных сил против Франции, в которой России, по замыслу Циммермана, уготована центральная миссия. Первым шагом стала Пильтницкая декларация 27 августа 1791 г., где было подписано соглашение между прусским королем и австрийским императором о поддержке французской королевской семьи. А знаком новой эпохи стала победа России над Османской империей. И неслучайно именно Екатерине Циммерман посылает те самые «секретные бумаги», о которых шла речь ранее.

Cette guerre et cette paix assignent à l'empire de toutes les Russies la prééminence sur tous les empires [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 234 об.]¹⁵.

Si cet armement universel contre les usurpateurs de la Monarchie Française avoit pu avoir lieu, toute cette nouvelle philosophie Française, toutes ces idées destructives de toute religion et de tout gouvernement raisonnable quelconque, auroient été étranglées dans leur berceau. Mais depuis que le Congrès de Pilnitz a mal réuissie à cet égard, et surtout depuis que le Roi des Français a accepté cette constitution qui détruira la France, il ne reste, ce me semble, pour tous les gouvernemens en Europe pas de meilleur parti à prendre, que celui de s'opposer du moins, en tout pays, aux progrès du mal français. J'ose me flatter que Votre

¹⁵ «Эта война и этот мир дают империи Всероссийской превосходство над всеми империями».

Majesté ne désapprouvera pas ce combat contre la Manie du tems. Tout combat qu'Elle approuve doit réussir, puis qu'allors on combat avec un enthousiasme qui a été vainqueur dans tous les climats. C'est avec cet enthousiasme que j'ay l'honneur d'être de Votre majesté Impériale le très humble très obéissant et très soumis serviteur Zimmermann [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 239 об. – 240]¹⁶.

Характеристика Франции, «зараженной неизлечимой болезнью» (*Les maux de la France paroissent être devenus incurables*), и Французской революции как «распространения французской болезни» (*aux progrès du mal françois*), слова о «безумии эпохи» (*la Manie du tems*), ставшие культурно-политическими топосами, привносят в такую оценку политических событий важный медицинский аспект, в это же время мастерски обыгранный в скандальной комедии А. Коцебу «Доктор Бардт с железным лбом», в авторстве которой подозревали Циммермана: действие в ней происходит в публичном доме, а его посетители носят имена реальных берлинских просветителей.

В письме от 31 января 1792 г. Циммерман поздравляет Екатерину с подписанием мирного договора между Россией и Османской империей и с успешным завершением русско-турецкой войны. Весь текст этого письма – восхваление Екатерины и могущества России, и написан он не европейским интеллектуалом, а подобоострастным подданным, ищущим монаршей милости. Публикацией копии этого письма завершается издание Бодемана, однако мы приводим его по оригинальной версии РГАДА, которая несколько отличается от опубликованного варианта:

Madame, votre Majesté Impériale pardonnera à l'excès de ma joye l'empressement avec lequel j'ose mettre à ses pieds l'hommage de mes félicitations sur Sa paix conclue avec l'Empire Ottoman à Jassy le 9. de ce mois. Après une guerre conduite avec autant de génie que de valeur et de succès, une Paix comme celle ci couvrira Votre Majesté de gloire dans tous les siècles et chez toutes les nations. Toute Sa grandeur, toute Sa puissance, toute la force de Son Empire, et Son unique et auguste magnanimité et munificence ont été déployées dans cette Paix, dont Elle seule a dicté les conditions.

Elle dévient la protectrice des Princes de la Moldavie et de la Wallachie, et leur assure la liberté et la vie... C'est par la paix de Jassy que l'Empire du génie

¹⁶ «Если бы это всеобщее вооружение против узурпаторов французской монархии состоялось, то вся эта новая французская философия, все эти разрушительные для всякой религии и всякого разумного правления идеи были бы задушены в своей колыбели. Но поскольку Пильницкая конференция в этом отношении не добилась результатов и, главное, с тех пор, как французский король принял конституцию, которая уничтожит Францию, то мне кажется, что для всех правительств в Европе не остается ничего лучшего, чем противостоять в своей стране распространению французской болезни. Я лью себя надеждой, что Ваше Величество поддержит эту борьбу против безумия эпохи. Любая борьба, которую Она одобрит, должна увенчаться успехом, и тогда мы будем сражаться с энтузиазмом, который всегда побеждал во всех климатических условиях. Именно с таким энтузиазмом имею честь оставаться Вашего Императорского Величества смиреннейшим, послушным и покорнейшим слугой. Циммерман».

de Votre Majesté Impériale est constaté à jamais ; à Jassy on vient de signer le dernier acte de la prépondérance de l'Empire de toutes les Russies sur toutes les Puissances de l'Europe.

Qu'un chacun se réjouisse aprésent comme il peut. Pour moi je fais bâtir une salle dans ma maison pour y placer, aussi bien que mes petites facultés le permettent, la statue de l'auguste souveraine qui a fait toutes ces grandes choses. Cette statue est l'ouvrage d'un artiste du premier ordre. Elle est exécutée dans le plus beau style grec, en exprimant tous les charmes de Votre Majesté Impériale, et en n'oubliant rien de ce qu'ils ont de ravissant et rien de ce qu'ils ont de majestueux. Mr. Rachette, Directeur de la fabrique de porcelaine à Petersbourg, vient de me faire ce superbe présent. Votre Majesté est représentée par cette statue sous l'emblème de la Déesse Cybèle; mais pour moi je me représenterai à tout instant, en regardant cet ouvrage sublime, tout ce que Votre majesté a été pour son siècle et pour tous les siècles futurs. Sous un Empire aussi beau et aussi imposant que celui de Votre Majesté Impériale il falloit un artiste tel que Mr. Rachette, dont les ouvrages méritent d'exprimer en or, en airain et en marbre des actions et des vertus immortelles.

Si j'avois quatre cent canons à mes ordres, je leurs faisois faire bien du bruit dans ce moment! Mais ce n'est que d'une voix timide et basse que j'ose supplier Votre Majesté d'agréer l'hommage de ma joye et du très profond respect avec lequel j'ay l'honneur d'être de Votre Majesté Impériale le très humble, très obéissant et très soumis serviteur Zimmermann. Hanover ce 31 Janvier 1792 [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 241–243]¹⁷.

¹⁷ «Мадам, Ваше Императорское Величество простит мою чрезмерную радость за то рвение, с которым я осмеливаюсь возложить к Вашим ногам дань уважения и мои поздравления с миром, заключенным Вами с Османской империей в Яссах 9-го числа этого месяца. После войны, проведенной с гениальностью, доблестью и успехом, этот мир покроет Ваше Величество славой на все века и среди всех народов. Все Ваше величие и вся мощь, вся сила Вашей империи и Ваше уникальное и величественное великодушие и щедрость были проявлены в этом мире, условия которого Вы продиктовали сами. Вы становитесь защитницей князей Молдавии и Валахии и гарантируете им свободу и жизнь... Именно Яским миром навеки провозглашается Империя гения Вашего Императорского Величества. В Яссах только что был подписан последний акт о превосходстве Империи всея Руси над всеми государствами Европы. Со своей стороны я устраиваю комнату в своем доме, чтобы поставить там, насколько позволяют мои малые способности, статую августейшей государыни, совершившей все эти великие дела. Эта статуя – работа первоклассного художника. Она выполнена в прекраснейшем греческом стиле, выражая все очарование Вашего Императорского Величества, раскрывая Вашу пленительность и Ваше величие. Пусть каждый теперь радуется, как может. Господин Рашетт, директор фарфорового завода в Петербурге, только что преподнес мне этот великолепный подарок. Ваше Величество в этой статуе представлена в образе богини Кибелы; но в моем представлении, когда я с гордостью гляжу на это возвышенное произведение, перед глазами проходит все, чем было Ваше Величество для своего века и для всех будущих веков. Для такой прекрасной и величественной империи, как у Вашего Императорского Величества, нужен был художник, подобный господину Рашетту, произведения которого изображают действия и бессмертные добродетели и заслуживают воплощения в золоте, бронзе и мраморе. Если бы в моем распоряжении было четыре сотни пушек, я бы заставил их в этот момент наделать много шума! Но только робким и тихим голосом осмеливаюсь просить Ваше Величество принять дань моей радости и того глубокого уважения, с которым я имею честь быть Вашего Императорского Величества смиреннейшим, послушным и покорнейшим слугой, Циммерман, Ганновер, 31 января 1892 года».

Показателен образ Екатерины, который здесь выстраивает Циммерман, – это Кибела, чье изображение наряду с фигурой «торжествующей Минервы» входит в императорскую иконографию эпохи русско-турецкой войны. Как аллегория Кибелы, великой матери богов и владычицы всего земного мира, французский скульптор Жан-Доминик Рашетт запечатлел Екатерину в статуе под названием «Заключение мира (Ясский мир)» – ее фарфоровые, бронзовые и медные копии были широко распространены в России [Петров].

Последнее сохранившееся в РГАДА письмо написано вдовой философа Луизой Циммерман 15 февраля 1796 г. В нем она сообщает о смерти мужа «7 октября прошлого года» (*le sept d'octobre de l'année passée*) и о своем вступлении в наследство, спрашивая Екатерину, что ей делать с «восхитительно прекрасным портретом ее величества» (*le portrait de Votre Majesté Impériale, si divinement gracieux, si délicieusement beau*) и «письмами, которые сделали ее мужа столь счастливым» (*ces lettres qui le rendoient si heureux*) в течение последних десяти лет его жизни, – смиренно положить их к ногам ее трона, если она того прикажет (*je les mettrai humblement aux pieds de son throne, si Elle l'ordonne*), или

...les conserver et nourrir de ce souvenir sacré les sentimens de vénération, d'admiration et de profond gratitude pour toutes les Bontés dont Votre Majesté Impériale a comblé celui dont la mémoire m'est si chère [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 244–245 об.]¹⁸.

Вероятно, Екатерина позволила оставить свои подарки в семье Циммермана, поскольку оригиналы большинства ее писем ему и его архив в настоящее время находятся в фонде Циммермана в Государственной библиотеке Нижней Саксонии в Ганновере [GWLb Ms XLII. 1933. A. I. 5a].

Таким образом, реконструировав хронологию переписки Екатерины и Циммермана, привлекая неопубликованные письма врача-философа, новые архивные источники и круг его немецких корреспондентов, можно увидеть, что императрица использует в своей переписке целый ряд литературных и символических инструментов – от дружеских посланий до императорских рескриптов, от образа «философа на троне» до аллегии царицы мира, влияющей на величайшие политические события эпохи. Обладая верховной властью императрица обращается к ресурсу эпистолярного диалога с европейскими интеллектуалами, влияющими на общественное мнение, чтобы выстроить максимально удачную модель внешнеполитической коммуникации, позволяющей, с одной стороны, перенимать и переосмысливать общекультурные и цивилизационные достижения Европы, с другой, укреплять политическую идентичность и значимость Российской империи.

¹⁸ «...сохранить их и питать этой священной памятью чувства благоговения, восхищения и глубокой благодарности за всю Доброту, которую одарили Ваше Императорское Величество того, чья память так дорога мне».

Библиографические ссылки

Брикнер А. Г. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II (перлюстрация) // Рус. старина. 1873. Т. 7, № 1. С. 75–84.

Брикнер А. Г. Екатерина II в переписке с доктором Циммерманном // Рус. старина. 1887. Т. 54, кн. 5. Май. С. 271–285.

Земскова Е. Е. Малоизученная страница русско-немецких отношений: Екатерина II в переписке с доктором Циммерманном // Toronto Slavic Quarterly : Academic Electronic J. in Slavic Studies : [website]. 2005. № 13. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/13/zemskova13.shtml> (дата обращения: 10.12.2023).

Дингес М. Немецкие врачи в России второй половины XVIII века: конфликт культур // Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур / отв. ред. С. Я. Карп. М. : Наука, 2000. С. 160–189.

Из записок доктора Вейкарта // Рус. архив. 1886. Т. 3. С. 229–268.

Записка императрицы Екатерины II о мерах к восстановлению во Франции королевского правительства. 1792 г. / публ. В. И. Ламанского // Рус. архив. 1866. Кн. 1, вып. 3. С. 399–422.

Основат К. А. «Властителям и судиям»: Державин и придворное политическое благочестие // История литературы. Поэтика. Кино : сб. в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М. : Новое изд-во, 2012. С. 274–306.

Петров Н. И. О сакрализации изображения монарха в России XVIII – начала XIX вв. // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 64–78. DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_64.

Письма Екатерины Великой к Циммерману // Вестн. Европы. 1803. № 14, ч. 10. С. 143–145.

Письма императрицы Екатерины II к И. Г. Циммерману // Рус. старина. 1887. Т. 55, № 7. С. 279–320.

РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144.

Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с доктором Циммерманом с 1785 по 1792 год. СПб. : Имп. тип., 1803. 184 с.

Храповицкий А. В. Памятные записки. М. : Университет. тип., 1862. 294 с.

Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 801 с. Der Briefwechsel zwischen der Kaiserin Katharina II von Russland und Johann Georg Zimmermann / Hrsg. von E. Bodemann. Hannover ; Leipzig : Hahn, 1906. 157 S.

Dinges M. Kann man medizinische Aufklärung importieren? Kulturelle Issuee im Umfeld deutscher Ärzte in Rußland in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Migration nach Ost- und Südosteuropa vom 18. bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts. Ursachen, Formen, Verlauf, Ergebnis / Hrsg. von M. Beer, D. Dahlmann. Stuttgart : Thorbecke, 1999. S. 209–234.

GWLB. Ms XLII, 1933, A, I, 5b. Nachlass Johann Georg Zimmermann. Briefe von Ekaterina II an Johann Georg Zimmermann. Hannover, 1785–1791.

Johann Georg Zimmermann. Sein Leben und bisher ungedruckte Briefe an denselben: Bodmer, Breitinger, Gesner, Sulzer, Moses Mendelsohn, Nikolai, der Karchin, Herder und G. Forster / Hrsg. von E. Bodemann. Hannover : Hahn, 1878. 378 S.

Marcard H. M. Zimmermann's Verhältnisse mit der Keiserin Katharina II und mit dem Herrn Weikard. Bremen : Seyffert, 1803. 396 S.

Marcard H. M. Correspondance originelle et très interessante de l'Imperatrice de Russie Catharina II. avec le Chevalier de Zimmermann. Breme et Aurich: J. H. Müller, 1808. 396 p.

Procès complet de Messieurs Perrotin dit de Barmont, Foucault, et Bonne-Savardin. Paris : Lejay fils, 1790. 166 p.

Röhling H. Katharina II. und J. G. Zimmermann: Bemerkungen zu ihrem Briefwechsel // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1978. Vol. 40, № 2. S. 358–392.

SBB. Handschriftenabteilung: Nachlaß Friedrich Nicolai. 84. Zimmermann. Br. 39–58.

Weikard M. A. Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte des Kaiserlich Russischen Etatsrathes M. A. W. nach seinem Tode zu lesen. Frankfurt ; Leipzig : [S. n.], 1802. 554 S.

Zimmermann J. G. Betrachtungen über die Einsamkeit. Zürich : Heidegger und Comp., 1756. 110 S.

Zimmermann J. G. Von der Einsamkeit. Leipzig : Weidmanns Erben und Reich, 1773. 96 S.

Zimmermann J. G. Ueber die Einsamkeit. 4 Teile in 4 Bänden. Leipzig : Weidmanns Erben und Reich, 1784–1785. Bd. 1. 394 S. Bd. 2. 520 S. Bd. 3. 518 S. Bd. 4. 500 S.

References

Bodemann, E. (Hrsg.). (1878). *Johann Georg Zimmermann. Sein Leben und bisher ungedruckte Briefe an denselben: Bodmer, Breitinger, Gesner, Sulzer, Moses Mendelsohn, Nikolai, der Karchin, Herder und G. Forster*. Hannover, Hahn. 378 S.

Bodemann, E. (Hrsg.). (1906). *Der Briefwechsel zwischen der Kaiserin Katharina II von Russland und Johann Georg Zimmermann*. Hannover, Leipzig, Hahn. 157 S.

Brikner, A. G. (1873). Vskrytie chuzhikh pisem i depesh pri Ekaterine II (perlyustratsiya) [Opening Other People's Letters and Dispatches under Catherine II (Perlustration)]. In *Russkaya starina*. Vol. 7. No. 1, pp. 75–84.

Brikner, A. G. (1887). Ekaterina II v perepiske s doktorom Tsimmermannom [Catherine II in Her Correspondence with Doctor Zimmermann]. In *Russkaya starina*. Vol. 54. Book 5. May, pp. 271–285.

Dinges, M. (1999). Kann man medizinische Aufklärung importieren? Kulturelle Issuee im Umfeld deutscher Ärzte in Rußland in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. In Beer, M., Dahmann, D. (Hrsg.). *Migration nach Ost- und Südosteuropa vom 18. bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts. Ursachen, Formen, Verlauf, Ergebnis*. Stuttgart, Thorbecke, S. 209–234.

Dinges, M. (2000). Nemetskie vrachi v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka: konflikt kul'tur [German Doctors in Russia in the Second Half of the 18th Century: Conflict of Cultures]. In Karp, S. Ya. (Ed.). *Russkie i nemtsy v XVIII veke. Vstrecha kul'tur*. Moscow, Nauka, pp. 160–189.

Filosoficheskaya i politicheskaya perepiska imperatritsy Ekateriny II s doktorom Tsimmermanom s 1785 po 1792 god [Philosophical and Political Correspondence of Empress Catherine II with Doctor Zimmermann from 1785 to 1792]. (1803). St Petersburg, Imperatorskaya tipografiya. 184 p.

GWLB. Ms XLII, 1933, A, I, 5b. Nachlass Johann Georg Zimmermann. Briefe von Ekaterina II an Johann Georg Zimmermann. Hannover, 1785–1791.

Iz zapisok doktora Veikarta [From the Notes of Doctor Weikart]. (1886). In *Russkii arkhiv*. Vol. 3, pp. 229–268.

Khrapovitskii, A. V. (1862). *Pamyatnye zapiski* [Memoirs]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 294 p.

Lamanskii, V. I. (Publ.). (1866). Zapiska imperatritsy Ekateriny II o merakh k vosstanovleniyu vo Frantsii korolevskogo pravitel'stva. 1792 g. [Note from Empress Catherine II on Measures to Restore the Royal Government in France. 1792]. In *Russkii arkhiv*. Book 1. Iss. 3, pp. 399–422.

Marcad, H. M. (1803). *Zimmermann's Verhältnisse mit der Keiserin Katharina II und mit dem Herrn Weikard*. Bremen, Seyffert. 396 S.

Marcad, H. M. (1808). *Correspondance originelle et très interessante de l'Imperatrice de Russie Catharina II. avec le Chevalier de Zimmermann*. Breme et Aurich, J. H. Müller. 396 p.

Ospovat, K. A. (2012). “Vlastitelyam i sudiya”: Derzhavin i pridvornoe politicheskoe blagochestie [“For Rulers and Judges”: Derzhavin and Court Political Piety]. In *Istoriya literatury. Poetika. Kino. Sbornik v chest' Marietty Omarovny Chudakovoi*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 274–306.

Petrov, N. I. (2021) O sakralizatsii izobrazheniya monarkha v Rossii XVIII – nachala XIX vv. [On the Sacralization of the Image of the Monarch in Russia in the 18th – Early 19th Centuries]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 2, pp. 64–78. DOI 10.47132/1814–5574_2021_2_64.

Pis'ma Ekateriny Velikoi k Tsimmermanu [Letters of Catherine the Great to Zimmermann]. (1803). In *Vestnik Evropy*. No. 14. Part 10, pp. 143–145.

Pis'ma imperatitsy Ekateriny II k I. G. Tsimmermanu [Letters from Empress Catherine II to J. G. Zimmermann]. (1887). In *Russkaya starina*. Vol. 55. No. 7, pp. 279–320.

Procès complet de Messieurs Perrotin dit de Barmont, Foucault, et Bonne-Savardin. (1790). Paris, Lejay fils. 166 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 5. List 1. Dos. 144.

Röhling, H. (1978). Katharina II. und J. G. Zimmermann: Bemerkungen zu ihrem Briefwechsel. In *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Vol. 40. No. 2, S. 358–392.

SBB. Handschriftenabteilung: Nachlaß Friedrich Nicolai. 84. Zimmermann. Br. 39–58.

Sharf, K. (2015). *Ekaterina II, Germaniya i nemtsy* [Catherine II, Germany and the Germans]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 801 p.

Weikard, M. A. (1802). *Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte des Kaiserlich Russischen Etatsrathes M. A. Weikard nach seinem Tode zu lesen*. Frankfurt, Leipzig, S. n. 554 S.

Zemskova, E. E. (2005). Maloizuchennaya stranitsa russko-nemetskikh otnoshenii: Ekaterina II v perepiske s doktorom Tsimmermanom [A Little-studied Page of Russian-German Relations: Catherine II in Correspondence with Doctor Zimmermann]. In *Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic J. in Slavic Studies* : [website]. No. 13. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/13/zemskova13.shtml> (accessed: 10.12.2023).

Zimmermann, J. G. (1756). *Betrachtungen über die Einsamkeit*. Zürich, Heidegger und Compagnie. 110 S.

Zimmermann, J. G. (1773). *Von der Einsamkeit*. Leipzig, Weidmanns Erben und Reich. 96 S.

Zimmermann, J. G. (1784–1785). *Ueber die Einsamkeit*. 4 Teile in 4 Bänden. Leipzig, Weidmanns Erben und Reich. Bd. 1. 394 S. Bd. 2. 520 S. Bd. 3. 518 S. Bd. 4. 500 S.

The article was submitted on 04.05.2024